

исключения, – алкоголики, ибо ни у кого из них не было органического отвращения к спирту».

...Их разлука продлится ровно десятилетие: братья вновь встретятся в самом конце 1859 г. Немедленно по выходе из омской каторги в январе 1854-го Достоевский напишет брату. Известно, однако, что такие попытки предпринимались и раньше – арестант посылал письма с оказией, когда лежал в лазарете, то есть использовал сугубо нелегальные пути. Адресат не отзывался; лишь по окончании срока он посылает брату первые пятьдесят рублей.

В этой связи между братьями возникает некоторая эпистолярная напряженность: бывший каторжник выказывает недоумение, почему за четыре года разлуки брат не написал ему ни строки. «Ну, неужели ты не мог писать ко мне. Это для меня очень странно и горько. Может быть, ты не просил разрешения сам; а письма разрешены. Это я знаю наверно». Он боится, что брат охладел к нему, каковым подозрением письменно делится с А.Е. Врангелем. Тот должен был доставить брату другое его письмо. Но тут, совсем как в романе, возникает интрига. Врангель по ошибке отдаст Михаилу Михайловичу адресованный ему, Врангелю, текст, где явлена упомянутая братская скорбь. Уязвленный неблагоприятным расположением брата Михаил Михайлович адресует в Семипалатинск свой горестный вопль: «Боже мой! Неужели я не заслужил перед тобою большего доверия к любви моей и моему сердцу! Неужели ты не мог предположить других причин, более важных, моему молчанию и вообще нежеланию писать тебе мимо официального пути».

Брат уверяет брата, что он не жалел усилий, дабы добиться разрешения вести с ним легальную переписку. Но все его хлопоты оказались напрасными. Затевать же тайные сношения, в обход власти, он, отец шестерых детей и лицо, находящееся под секретным полицейским надзором, позволить себе не мог. При этом он еще пекся о безопасности брата.

Нет оснований сомневаться в искренности этих резонов. С другой стороны, известно секретное распоряжение от 11 августа 1850 г., адресованное Военным министерством инспектору по инженерной части Омской крепости. В документе говорится о корреспонденции политических каторжан: «если письма не будут заключать в себе ничего сомнительного или преступного, то получаемые тотчас отдавать осужденным, а от них доставляемые отправлять по адресу».

Возможно, Михаил Михайлович действительно ходатайствовал о разрешении переписываться – естественно, через III Отделение. Но у ведомства тайной полиции могли иметься собственные инструкции на этот счет – причем применительно к данному делу или даже к данному фигуранту. Военное министерство ему не указ. Так что хлопоты Мих-Миха, как его называли домашние, действительно могли оказаться пустыми.

Разумеется, никто из членов семейства не писал Достоевскому до выхода его из острога. Но уже в Семипалатинск, хотя и с большими интервалами, стали поступать вести от родных. Посылались и небольшие денежные вспоможения, одежда, белье... «Милый друг, – адресуется Достоевский к Мих-Миху, – ты пишешь о сестрах: это ангелы! Что за прекрасное семейство наше, что за люди в нем!»

Его радует, что он не забыт, что зов крови и родовая память не заглушены приговором и долгой разлукой. При этом вряд ли кто-либо из членов семейства всерьез уповает – во всяком случае, до оглашения первых милостей нового царствования – на его скорое возвращение. Участь преступников 1825 г., канувших «во глубине сибирских руд», у всех на виду. Похоже, не верит во второе (особенно литературное) пришествие брата и осторожный Мих-Мих. Хотя и старается по мере сил исполнять свой родственный долг. Благо этому способствует относительное преуспевание, ко-его он добился в конце 1850-х: собственный выезд, гувернантка для детей, постоянные гости.